

МЫ ВЕРНУЛИСЬ ЧЕРЕЗ 3 ГОДА

рассказ Капитолины Ивановой

Стоял сентябрь 1941 года. Со стороны Териок хорошо было видно зарево. Совет слободы Александровки (Белоостров) предупредил местных жителей, чтобы они готовились к эвакуации. Семья Челпановых, забрав корову, ушла в сторону Парголово, остальные так и не дождались приказа.

2 сентября 1941 вокруг домов стали взрывать снаряды, и мы (семья Пикалевых) спрятались в соседском большом каменном погребе. Всего в этом погребе прятались 13 человек из четырех ближайших домов деревни Зарощей.

В ночь со 2 на 3 сентября 1941 года стрельба прекратилась. Появились финские солдаты, которых привела к этому погребу белоостровская финка. Она объяснила, чтобы мы не боялись, так как нам ничего плохого не сделают. Нас повели к каменному дому, где раньше располагались советские пограничники. Там уже было много наших жителей Белоострова (в основном это были финны по национальности). Нам разрешили сходить домой и взять вещи, документы и продукты на три дня и сказали, что мы скоро вернемся домой. Вернулись мы только через три года.

Всех пленных белоостровцев повели в поселок Оллила (Солнечное) и разместили в бывших финских домах, которые с 1940 по 1941 занимали русские. Питались мы тем, что

взяли с собой и тем, что нашли в доме и на огороде. Нас никто не охранял.

Через две недели нас посадили в автобусы и увезли к северу от Выборга. Разместили в деревне Тиенхара. С 1940 по 1941 год здесь образовался колхоз. На полях осталась необработанная картошка, а в теплицах — помидоры. Здесь нас тоже не охраняли. Мы ходили в лес за грибами и ягодами и видели там убитых советских солдат. Дед с бабушкой были верующими людьми, и поэтому они

делились, так как в «финском» лагере жить было сытнее и лучше.

Территория вокруг барачков была условно обнесена одной ниткой колючей проволоки, за которую выходить было нельзя. Но мы все равно уходили за нее, так как рядом был лес, а в нем грибы и ягоды.

Если финны ловили кого-то в лесу, то избивали дубинками и сажали в карцер. Каждый вечер была проверка жителей барака. В лагере была столовая, которую обслуживали сами заключенные.

Всего в ходе военных действий 1941-1944 годов финские войска сумели захватить в плен 64 188 советских военнослужащих. Причем по статистическим данным в финских концентрационных лагерях в годы войны погибло 29,1% находившихся там советских военнопленных. В итоге в Финляндии в годы войны в плену погибло больше людей в процентном отношении, чем в какой-либо другой стране. (Пиэтолла Э. Военнопленные в Финляндии 1941-1944. Север, 1990, № 12, стр. 298, 300).

принесли лопаты, выкопали могилы и похоронили их.

В конце сентября 1941 года нас в теплушках по железной дороге увезли в глубь Финляндии, высадили на станции Хамина и поселили в громадных бараках с двухъярусными нарами.

Все белоостровские пленные — и русские, и финны — жили вместе около года, но потом финнов отделили и поселили в другой лагерь, который находился рядом. Некоторые смешанные семьи добровольно раз-

Обед, ужин и завтрак состоял обычно из жиденького супа, каши из отрубей. Хлеба плохого качества выдавали приблизительно по 300 граммов в день. Летом многие травились недозрелыми грибами и умирали.

Около лагеря было кладбище, и каждого умершего среди нас хоронили в деревянном гробу, а на могиле ставили крест. Разрешалось навещать могилы, которые находились в километре от лагеря. Там мы похоронили и нашего деда, он умер 2 июня 1942 года.

В лагере пленные белоостровцы написали жалобу с просьбой импенсировать им потерю имущества, оставленного в Белоострове.

Финские власти согласились выплачивать компенсацию только за коров (в финских марках). На эти деньги моя бабушка покупала в магазине продукты.

Как-то в лагерь приехал хозяин-финн и отобрал меня среди других подростков для работы на его хуторе.

У него в семье был годовалый мальчик, и я работала няней, но приходилось и доить коров, и помогать по хозяйству.

Маленького мальчика звали Марти, хозяина — Эйнер Ташкинен, хозяйку — Людвигу. Питались хозяева и я вместе, за одним столом.

Во всех финских семьях было много велосипедов. У Ташкинен их было шесть. Все велосипеды ставили в стойках у магазинов, железнодорожных станциях, на полях и в других ме-

стах без охраны. Все ученики ездили летом в школу на велосипедах, а зимой — на лыжах. Пленных белоостровцев это очень удивляло.

В погребах, которые находились далеко от дома хозяина, наши пленные воровали овощи, и их за это стали очень серьезно наказывать.

В 1944 году, когда Советская Армия подошла к Выборгу, хозяин стал готовиться к эвакуации и на всем сельхозинвентаре делал надписи краской с указанием своего адреса. Всех пленных, которые работали на хуторах, привезли обратно в лагерь.

Хозяин с хозяйкой повезли и меня на телеге. По дороге хозяйка мне сказала, что всех пленных, которые возвращаются в Советский Союз, расстреливают. На прощание они мне подарили фотографию их маленького сына Марти и просили послать открытку на их адрес и сообщить о своей судьбе.

Пленных Белоостровцев посадили в поезд, привезли на полуостров Ханко и разместили в концентрационном лагере. Раньше в этом лагере размещались советские военнопленные. Все стены были исписаны фамилиями и страшными подробностями жизни в этом лагере.

В первый же день наша соседка по Белоострову обратилась к охране лагеря с просьбой разрешить ей посетить могилу ее сына, погибшего в 1941 году на полуострове Ханко. Он был военный моряк. Ефросинья Круглова (так звали соседку) получила похоронку на своего сына Валентина незадолго до пленения в Белоострове, и этот документ был у нее в

паспорте. Там было сказано, где он погиб, и указано место захоронения.

Уговаривать охрану лагеря пошла и моя бабушка, так как Валентин вырос на ее глазах и она его хорошо знала.

Финская охрана лагеря разрешила посетить могилу. Разрешили пойти и моей бабушке, и мне.

Кладбище находилось примерно в полутора километрах от лагеря. Могилу нашли сразу. Все захоронения этого воинского кладбища были совершенно целыми. Над каждой могилой был деревянный столбик, и на каждом холмике лежали или бескозырка, или фуражка. От времени они уже выцвели.

Мы попрощались и пошли обратно в лагерь. Дорога шла берегом моря, и мы решили ополоснуть в морской воде лицо и очень удивились, что вода была соленой!

Лагерь был обнесен четырьмя рядами колючей проволоки. Была свирепая охрана со сторожевыми собаками. Мы там пробыли приблизительно три месяца. Меня отобрали вместе с другими подростками для работы на большой ферме. На ней было 30 коров. Там работали и военнопленные (приблизительно восемь мужчин и пять женщин). Подростки доили коров и делали разные работы по дому. Военнопленные-мужчины выполняли тяжелую и черную работу.

В сентябре 1944 года война с Финляндией закончилась. Нас посадили в теплушки и повезли к границе в сторону Выборга. В каждой теплушке находился финский солдат. На границе финны спрыгнули с поезда. Поезд пересек границу и остановился. Советские власти обошли эшелон, спрашивали, есть ли среди нас больные и есть ли у нас к ним вопросы. Всех совершеннолетних допросили.

Из бывших пленных белоостровцев разрешение на проживание в Парголовском районе получили только русские по национальности. Всех финнов отправили на поселение в другие районы Советского Союза.

Приблизительно в 1970 году в пансионате «Дюны» я разговорилась с одним финном, который понимал по-русски. Я уже к этому времени совсем забыла финский язык. Я рассказала, что была в плену и у меня сохранился адрес финнов, у которых я работала во время войны. Попросила по возможности сообщить им мой адрес.

Через некоторое время позвонил финн из кемпинга в поселке Репино и спросил по-русски, говорит ли мне что-нибудь фамилия Ташкинен. Я ответила утвердительно. Мы встретились. Вспомнили те годы, когда я была в Финляндии в плену. Разговаривали мы только через финна-переводчика.

Ташкинен еще раз приезжал в Советский Союз и останавливался в гостинице «Октябрьская», мы договорились о встрече, гуляли по Невскому проспекту, разговаривали. Он мне подарил фото, где он и его сын, которого я нянчила в Финляндии, сидят на диване.

В 90-е годы бывшим узникам войны выплачивали пособие, и мне понадобился документ, подтверждающий нахождение в плену. Я написала запрос в Большой дом, но ответа так и не получила. Тогда я написала письмо-запрос в Финляндию. Ответ пришел через месяц, и я получила документ, подтверждавший, что я, мой брат, бабушка и дедушка были в плену в Финляндии с 3.9.1941 и переданы в Советский Союз 20.10.1944г.

Михаил ЛОГУНЦОВ
по воспоминаниям
Капитолины Павловны
ИВАНОВОЙ

